

А.А. Аузан

ИНП «Общественный договор»,
Москва

Модернизация как проблема: в поисках национальной формулы

Проведение модернизации, продвижение к уровню «модернити», требует выбора эффективных институтов, после чего их нужно внедрить, преодолевая сопротивление тех или иных групп, компенсируя те или иные издержки. Возникла постановка вопроса о модернизации как задаче, которая сейчас во многом преобладает. Но, осмелюсь предположить, что модернизация – это даже не задача, поскольку это означало бы, что мы, подставив определенные значения, используя определенные формулы, понимаем, как ее решить. И, если Япония совершила, например, исторический бросок, японское экономическое чудо, и вошла в число развитых стран, то достаточно повторить то, что сделала Япония, поскольку формула открыта. Оказалось, что это не так. Вследствие этого я думаю, что модернизацию следует понимать как *проблему* – прежде всего связанную с гармонизацией формальных и неформальных институтов.

Последние три года группа экономистов «Сигма» работала не только над стратегиями развития России. Часть группы, в том числе и я, пыталась разобраться в стратегии модернизации для некоторых соседних стран. При этом к экономистам (среди которых В.Л. Тамбовцев, А.Е. Шаститко, Е.Т. Гурвич, С.А. Афонцев) присоединились социологи, этнологи, политологи, географы (Г.А. Сатаров, Э.А. Паин, А.Г. Левинсон, А.Ю. Зудин, Н.В. Зубаревич). Мы пытались проектировать модернизационную институциональную эволюцию на 10–20 лет вперед.

Формула модернизации (уникальная для каждой страны) включает, на мой взгляд, три элемента. Во-первых, наряду с обычно учитываемыми ресурсами в той же степени необходим учет социального и культурного капитала страны. Во-вторых, проектирование формальных институтов может и должно идти с учетом структуры неформальных институтов, несущих в себе в очень высокой степени национальную специфику. И, в-третьих, балансировка формальных и неформальных институтов идет через ценности. Причем я остаюсь сторонником гипотезы, сформулированной мной в публичной лекции Полит.Ру «Национальные ценности и российская модернизация: пере-

счет маршрута»: вход в модернизацию определяется принципом дополнительности, т.е. развитием тех ценностей, которые не свойственны инерционному историческому движению страны.

Попробую коротко показать на примере трех групп сложных вопросов, как такое понимание определяет выбор стратегии модернизации в России.

Первый вопрос о заимствованных инновациях. Мне кажется, что России здесь придется пройти две фазы. Первая фаза связана с опорой на креативность. Массово-поточные технологии обречены на неуспех, пока в стране не признается и не уважается стандарт – а стандарт и закон это одно и то же, просто одно связано с техническими нормами, а другое – с общественными. И продолжаться это будет до тех пор, пока не изменится существующее соотношение ценностей. Поэтому я полагаю, что сначала должны произойти «нишевые» прорывы, с опорой на имеющееся конкурентное преимущество – креативность. Такому развитию не нужно препятствовать, наоборот, его следует всячески поддерживать, и только потом, когда закон и стандарт станут ценностью, возможен переход к массовым технологиям и экономии на масштабе.

Второй вопрос о точечной модернизации. Я бы сказал, что Сколково в этом смысле – это еще одно выражение специфики неформальных институтов. Потому что, если штучное и мелкосерийное производство, на мой взгляд, наиболее пригодно для нынешней российской институциональной среды (включая сюда и факторы неформальных институтов), то власть вышла из той же самой институциональной среды. Поэтому решения для власти естественные – не менять институты по всему фронту, а взять один-два-три локальных участка, где можно было бы креативно и вручную что-то создать. Это типичный подход – в смысле культурной инерции. Проблема, однако, состоит в том, что, по существу, это «малая мобилизация», которая идет путем перераспределения ресурсов.

Модернизация – это не «опричнина», а «земщина», в том смысле, что путь модернизации скорее должен пролегать через институ-

ты и федерализм в стране. Понятно, что страна не может вся двигаться единым фронтом, но точек роста должно быть не одна-две-три, как экспериментальных площадок центральной власти, а намного больше, если мы сделаем ставку на «земщину».

Последний, третий вопрос – это вопрос о субъектах модернизации. Известна ленинская формулировка революционной ситуации, когда «верхи не могут, а низы не хотят жить по-старому». Я бы сказал, что мы находимся в ситуации, когда верхи не могут, а низы не хотят жить по-новому, что может быть связано с характеристиками неформальных институтов по так называемым коэффициентам Гирта Хофстеде (Geert H. Hofstede).

Для больших стран довольно характерна так называемая «высокая дистанция власти». США здесь скорее исключение, чем правило. Нужна была особая история этой страны и приложение больших усилий, чтобы низы воспринимали власть как нечто свое, близкое, регулируемое для каждого гражданина. Высокая дистанция власти в России, конечно, влияет на вопрос о субъекте, потому что власть сама, без создания коалиции для модернизации, в состоянии запустить лишь один вариант модернизации – мобилизационный. Другая культурная характеристика российской институциональной среды – «избегание неопределенности», которую можно понимать как низкую склонность к риску. В соответствии с принципом максимина это приводит к тому, что общественное сознание в нашей стране, во-первых, выбирает не лучшее из хорошего, а из двух зол меньшее; а во-вторых, оно делает совершенно логичный выбор, что меньшим является известное зло. И при такой постановке общественное сознание все время склонно выбирать старое, существующее. Это, разумеется, не модернизационный выбор.

Можно ли здесь что-нибудь сделать? Хотелось бы напомнить, что в России уже произошла определенная модернизация, связанная с утверждением свободы потребительского выбора.

Давайте снова вернемся в конец 1980-х годов и посмотрим, какие экономические переходы предстояли стране. Обычно говорят, что нужно было перейти от плановой экономики к рыночной, от монополий госсобственности – к плюрализму и к частной собственности. Эти процессы были на самом деле хорошо подготовлены предшествующим историческим периодом, потому что плановое хозяйство во многом уже существовало как так называемые «административные рынки» с торгами за ресурсы. Рынок уже существовал в виде «черного», «серого». Строго говоря, даже неформальная собственность кладовщика на склад, а директора на завод де-факто существовала. Это были вопросы легализации, революционные в правовом плане, но не убежден, что революционные в плане экономическом.

А что же было действительно революционным в экономическом плане? Россия – более других социалистических стран – была страной экономики дефицита. Поэтому для большинства людей, живших в конце 1980-х годов, главная задача виделась в выходе к свободе потребительского выбора – вот этот переход был действительно экономической революцией.

Свобода въезда-выезда из страны, свобода перемещения внутри страны, либерализация денежного обращения – все это воспринималось как инструменты к достижению свободы потребительского выбора. Можем ли мы сказать, что поставленная цель достигнута? Да, экономика России сейчас, согласно классификации Корнаи, – недефицитная экономика.

Фактически победили ценности утилитаризма, т.е. не ценности, а удобства, но во многом и принципы рационального поведения. И это дает некоторое основание говорить о будущем. Какие стимулы могут сработать?

Потребительская революция породила рациональные ценности, которые могут быть перенесены в политику через налоги и оценку услуг государства. «Модернизация», по Макс Веберу, состоит в утверждении рациональных ценностей. Точка опоры в потребительском поведении уже есть.

Поступила в редакцию 23.05.2010 г.